

РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Московский театр эстрады, нам кажется, не может пожаловаться на то, что ему мало уделяют внимания. Наоборот, любители веселого эстрадного искусства — это всегда благожелательные, снисходительные, иногда даже чрезмерно снисходительные зрители. Что же касается критики, то ее можно упрекать в чем угодно, только не в равнодушии к судьбе театра: говорят и пишут о нем, пожалуй, больше и чаще, чем о многих других творческих коллективах. К тому же его работа отражается на страницах печати в самых различных литературных жанрах, начиная от обстоятельной рецензии и кончая маленьким стихотворным фельетоном. И если в последнее время преобладающее место в этом критическом потоке стали занимать не статьи, не рецензии, а именно фельетоны, эпиграммы, недоуменные реплики и т. п., то стоит задуматься: почему так происходит?

Попробуем разобраться, не возник ли этот критический «перекос» по той простой причине, что для рецензий... нет материала? Приходится писать не о том, что создает, что делает Театр эстрады, а о том, чего он не делает! Не делает же он самого главного — он не проявляет достаточных признаков самостоятельной творческой жизни.

И вот, когда в конце сезона появилась афиша с названием нового спектакля — водевиля «Переодетый жених» В. Коростылева, когда мы прочли в программе рядом с именами известных мастеров эстрады (М. Миронова, Л. Миrows, А. Алексеев, А. Менакер, М. Новицкий) неизвестные еще имена молодых артистов (В. Бескова, Э. Некрасова, В. Васильев, М. Ножкин), когда мы увидели, что, кроме очередного постановщика (Б. Аврашов), театр обрел, наконец, и главного режиссера, то есть постоянного художественного руководителя (П. Васильев), — честное слово, мы облегченно вздохнули: похоже на то, что «лед тронулся»...

Скажем сразу: наши радужные надежды пока во многом не оправдались. Новая постановка явно ниже творческих возможностей мастеров нашей эстрады.

Прежде всего не совсем понятен выбор пьесы. Мы не считаем,

«ПЕРЕОДЕТЫЙ ЖЕНИХ» В ТЕАТРЕ ЭСТРАДЫ

что водевиль вообще «противопоказан» театру эстрады. Совсем нет! И то, что мастера эстрады пробуют себя в новом жанре, в новом качестве, обещает немало радостных открытий: жанр этот, бесспорно, близок и родствен эстрадному искусству. Однако при всей своей непритязательности и легкости водевиль вовсе не обязан быть пустым, бессодержательным, бездумным. И, конечно, при всех обстоятельствах, он не должен быть скучным.

Но «Переодетый жених» (каким он увидел свет на сцене Театра эстрады) можно назвать водевилем только условно, с большой натяжкой. Это и не эстрадное обозрение. Получился некий «гибрид», к сожалению, не очень удачный. В пьесе есть сюжет, однако держится он на такой тоненькой ниточке, которая с трудом обнаруживается незаоруженным глазом. То и дело эта ниточка обрывается, и тогда на сцене возникают обычные эстрадные интермедии, «вставные» эстрадно-цирковые номера, без всякой изобретательности втиснутые в спектакль: к теме и событиям водевиля они не имеют ровно никакого отношения. А главная беда, что замысел автора — осмеять обывателей и мещан, вынурнувших «из прошлого века» и приспособившихся к сегодняшнему дню, — как скудный ручеек, иссякает уже в первом действии.

Видимо, постановщики спектакля и сами почувствовали, что тут что-то неладно, и на всякий случай возвели частокол предохранительных оговорок. Не просто водевиль, а водевиль-шутка (какой же спрос с шутки?!). Не просто «Переодетый жених», а еще и «необычайное приключение, происшедшее с М. Мироновой, Л. Миrowsым, А. Алексеевым» и другими артистами (не ищите в образах спектакля жизненных прототипов — это же только «игра», это просто артист Миrows на минутку для вашего удовольствия превратился в Нелюдима Кузьмича!). Наконец, уже, так сказать, по ходу пьесы как бы предупреждают зрителей:

вот вы смеетесь, вам, конечно, нравится все, что мы показываем, а рецензенты, наверно, опять морщатся, ищут, к чему бы придраться...

Не будем обижаться, будем справедливы: в спектакле есть моменты, которые вызывают смех и оживление в зрительном зале. Было бы поистине «необычайным происшествием», если бы таких моментов совсем не оказалось. Но в «Переодетом женихе» гораздо больше «пустых мест», растянутых эпизодов, не очень остроумных куплетов, не обязательных и, по совести говоря, более чем посредственных номеров — акробатических, балетных и т. п. Особенно растянута и скучна сцена в «Доме моделей», безвкусно поставленная, без тени иронии и улыбки разыгранная.

В спектакле играют эстрадные артисты, владеющие ярким и точечным комедийным мастерством. Давно известно, что Миронова и Миrows, например, почти безошибочно обеспечивают успех любому эстрадному представлению. Приятным событием на этот раз оказался «дебют» одного из старейших артистов эстрады, французского А. Алексеева. Созданный им буквально «из ничего», почти при полном отсутствии текста, образ «хранителя водеvilьных традиций» тропает своей естественностью, изяществом и подлинно водеvilьной непринужденностью. Хочется отметить и молодого артиста В. Васильева, исполняющего роль жениха, «очень приятного молодого человека», хотя к этой характеристике, собственно, и сводится вся роль, в которой, кроме обаятельных улыбок, передован и беготни, артисту больше нечего делать.

Но все это не более чем отдельные удаchi. Постановка «Переодетый жених» в целом не делает хорошей погоды в Театре эстрады. Но будет еще хуже; если руководители театра сделают из этого вывод, что следует вернуться к прежней «легкой жизни». Нет, надо идти вперед, надо продолжать поиски. Нам представляется, что настоящий успех придет тогда, когда театр действительно объединит вокруг себя наиболее активные творческие силы — и не только исполнительские, но еще в большей степени авторские.

И. ЧЕРЕЙСКИЙ